

Оборотень

Новая жизнь

1940 год.

Европа в пламени войны. Вскоре Англия подвергнется ожесточенной немецкой атаке. Но что значат человеческие войны для бессмертного оборотня? Эндамону Кроу 1000 лет, он вечно молод, и ему плевать на то, что творится в мире людей. Это не его война.

Сторонники Третьего рейха ищут в мифах и легендах путь к власти и бессмертию. И сила волка-оборотня может стать ключом к разгадке древней тайны. Кроу — оружие, которое необходимо заполучить, во что бы то ни стало.

Оборотень, веками прятая свою истинную сущность, вступает в игру. Мечась между зверем и человеком. Следуя зову крови и древней силе. Тогда, когда над миром людей сгустится тьма Рагнарока, он начнет свою последнюю охоту.

Динамично, мрачно, загадочно и непредсказуемо.
Джо Аберкромби

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6882-1

9 786171 1268821

М.Д.Лахлан
Новая жизнь
Оборотень

М.Д.Лахлан

Оборотень

Новая жизнь

Самые страшные монстры — внутри нас

M. D. LACHLAN

THE NIGHT
LIES BLEEDING

A Novel

М. Д. ЛАХЛАН

ОБОРОТЕНЬ НОВАЯ ЖИЗНЬ

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Л29

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

First published by *Gollancz*, London

Переведено по изданию:
Lachlan M.D. *The Night Lies Bleeding* : A Novel / M.D. Lachlan. —
London : Gollancz, 2018. — 480 p.

Перевод с английского *Игоря Толока*

Дизайнер обложки *Иван Дубровский*

ISBN 978-617-12-6882-1
ISBN 978-0-575-12968-9 (англ.)

© M.D. Lachlan, 2018
© DepositPhotos.com / twildlife,
Veneratio, обложка, 2019
© Hemigo Ltd, издание на рус-
ском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2019

Все персонажи этой книги полностью вымышлены;
любое сходство с реальными людьми, живыми
или умершими, является всего лишь совпадением.

Посвящается памяти Хизер Хейер и всех тех,
кто пал в борьбе с фашизмом.

Монстры существуют, но они слишком мало-численны, чтобы быть по-настоящему опасными. Гораздо более опасны обычные люди, чиновники, готовые выносить суждения и действовать, не задавая вопросов.

Примо Леви

Филомат: — Но разве наши вервольфы — это не те же привидения, которые населяют некоторые дома и жилища, доставляя беспокойство их обитателям?

Эпистемон: — ...если что-то такое и произошло, я готов согласиться с тем, что это должно было случиться, но делаю это с великой печалью...

Яков I, король Англии. Демонология. 1597

ВОЛК И ЛУНА

Полная луна прежде всегда приносила в его душу покой. Но, глядя с крыши на погруженный во тьму Лондон, Эндамон Кроу думал о том, что сейчас она скорее похожа на наводящий ужас фонарь, с помощью которого Смерть освещает потаенные уголки города в поисках тех, кого она готова забрать.

Вдалеке под облаками слышалось глухое низкое гудение, как будто бормотал какой-то великан, пытаясь произнести новые имена Смерти на языке, гораздо более знакомом Кроу, чем английский, на котором он разговаривал вот уже две сотни лет. «Хейнкель», «Дорнье», «Юнкерс»... Смерть, снабженная крыльями и моторами, надвигалась при лунном свете, помогавшем бомбардировщикам.

Кроу десятилетиями наблюдал за тем, как менялось освещение лондонских улиц: от слабого тления первых газовых светильников — к пронзительному горению дуговых ламп, а затем — мягкий серебристый свет, заливавший вечерний город в последние предвоенные годы. Теперь же Лондон был погружен в прежнюю тьму, лишь лунный свет отражался от городских крыш, будто от поверхности огромного озера. Эта картина отозвалась болью у Кроу внутри. Человечество, занятое древней игрой под названием разрушение. Он поднял руку.

— Остановитесь, — сказал Кроу. — Поворачивайте обратно. Используйте свою отвагу для любви, а не для ненависти.

Однако он не был волшебником, и гудение авиационных двигателей становилось все громче.

— Что-нибудь еще, сэр?

За спиной у него стоял старик во фраке, с трудом удерживавший бутылку на подносе, трясущемся в его руках. Хотя Кроу всячески стремился сделать свой дом современным, он до сих пор не мог представить себе жизни без посторонней помощи. В глубине души он так и остался феодалом.

— Еще виски, — ответил Кроу.

Старик взял его стакан, поставил на поднос и налил напиток дрожащей рукой. И дрожала она не от старости, а от страха.

— Я пойду к жене, сэра, — сказал дворецкий. — Она сейчас в убежище и...

Кроу встрепенулся, точно человек, внезапно сообразивший, что оставил зонтик в поезде.

— Мой дорогой Жак, простите меня, — торопливо произнес он. — Я совершенно забыл... Конечно, идите к ней и захватите с собой оставшийся виски. В такую ночь, как эта, человеку необходим источник мужества.

— Это последняя бутылка, сэра, — предупредил его дворецкий.

Кроу лишь махнул рукой — его обычный пренебрежительный жест — и улыбнулся.

— В такие времена мы все должны в чем-то себе отказывать.

Старик удалился. Кроу задумчиво смотрел с Крумс-Хилл в сторону Темзы и вспоминал *свою* возлюбленную, Адислу, умершую очень-очень давно. Суждено ли ей возродиться сегодня ночью где-то на другом конце света или, может быть, она погибнет под ударами бомб, взывая к нему в последний момент где-то на границе слышимости? Кроу запомнил ее сидящей на склоне холма у фьорда, с головой, окруженной ореолом серебристых, подсвеченных солнцем волос. А что же было потом? Путаница картин из разных столетий, беспорядочных и бессмысленных, которые вспыхивали на мгновение в его сознании, чтобы угаснуть и уйти в небытие. Кроу любил Адислу и понимал могучую власть этого чувства, которое, точно бурное приливное течение, толкало его к ней через века. Но значение этой любви и какие-то подробности, детали

лишь мелькали у него в голове, неуловимо ускользя в последний миг.

Тысяча лет трансформаций, когда волк в нем то просыпался, то затихал. Сознание Кроу напоминало клинок, разбитый вдребезги, но потом собранный по кусочку, отправленный в переплавку и вновь выкованный. Это по-прежнему был клинок, но тот ли, что прежде был сломан? Кроу вспомнилось долгое время, проведенное в подземелье, где на свободу вырвался волк, — вонь, исходившая от заключенных, и ужас тех, кто пытался ему противостоять. Но почему он там очутился и что делал, оставалось для него тайной. Кроу знал языки, хоть и не помнил, чтобы когда-то на них говорил; он воспроизводил в памяти строчки стихов или фразы из разговоров пятисотлетней давности, но не мог бы сказать, кто это произнес, и вообще, к кому были обращены эти слова. Сквозь тысячелетие в его памяти всплывали какие-то мелкие мало-значительные детали: луна, видневшаяся сквозь дырявую крышу разрушенной церкви, скаковое седло викингов... Но канва жизни Кроу в те времена была утеряна. Неизменной оставалась только она, Адисла, и его тяга к ней, словно к маяку в хаосе мыслей. Кроу думал, что, если и это вдруг исчезнет, он так и останется всего лишь диким зверем — не имеющим цели созданием, отрешенно, без чувств и понимания наблюдающим за тем, как восходит и садится солнце, как приходят и уходят правители.

Смерть всегда следовала за ним, это он помнил — искаженные ужасом лица, молотившие его кулаки, удары копий, не наносившие ему никакого вреда, мечи, отскакивавшие от его кожи. Скольких он убил, разыскивая ее? Кроу сделал еще один большой глоток виски, пускаясь в древнюю азартную игру пьяниц; выпивка в любом случае ему поможет — либо вспомнить, либо забыть.

Сирены затянули свою заунывную песнь, тьму ночи прорезали лучи прожекторов, высматривающие врага; пятна света напоминали маленькие луны, кружившие вокруг Луны-матери. Через мгновение появились вспышки. Прожектора поймали самолет наведения. В Лондон на парашютах полетели

огромные горящие свечки, по-своему прекрасные, будто спускающиеся на землю ангелы; своим белым светом они озарили темные уголки города, куда не добиралась луна. Эти огни превратили реку в сияющую магистраль, указывающую путь бомбардировщикам.

В ход пошла противовоздушная оборона. Выстрелы пушек «Бофорс» напоминали стук назойливого, не собирающегося уходить посетителя, который молотит кулаком в дверь; высоко в небе взрывались снаряды зениток. На землю полился дождь зажигательных бомб, и по берегам вдоль реки расцвели белые лилии ослепительно ярко горящего фосфора.

А затем появилась и основная группа налета; темная масса стаи бомбардировщиков показалась в серебристом свете, пролетая на фоне луны: в детских сказках так обычно изображают полет ведьм.

Упали первые бомбы — это трусливые летчики сбросили свой смертоносный груз раньше времени, на Шутерс-Хилл, Тэмсид и Ирит, не доходя до плотного огня зениток, защищавших порт и доки. Далекое *бах, бах, бах* напоминало поступь идущего по снегу великана, каждый шаг которого отмечается языками пламени.

Однако большая часть немцев не теряла самообладания и добиралась до своих целей. Кроу знал их на протяжении многих поколений как настоящих, смелых воинов. В течение долгих столетий своей жизни он много раз сражался — как на их стороне, так и против них. И немцы неизменно производили на него сильное впечатление.

Полыхающий город представлял собой завораживающее зрелище: зеленые, красные, оранжевые и синие огни зажигались на земле, словно цветы в летнем саду. Кроу рассеянно начертал пальцем в воздухе знак, похожий на наконецник стрелы, — руну Кеназ. У викингов это было символом возрождения в огне, который Кроу познал тысячу лет тому назад, когда был стражником короля Свена Вилобородого из Ригира. Он передернул плечами. Вокруг него что-то менялось.

Теперь враг был у Кроу над головой. С помощью слуха и обоняния он ощущал странные толчки, когда взрывы бомб

нагнетали на него волны горячего воздуха и в разреженном пространстве пожаров закручивались неестественные водовороты пламени.

Кроу обратился к Смерти.

— Ну же, давай, — сказал он на древнем, забытом языке, — вот он я. Неужели ты меня не слышишь? Неужели не видишь? Это же я, твой слуга.

Но он был не нужен Смерти. Ей нужна была семья Дэвисов, прятавшаяся под лестницей дома номер шестнадцать: мистер Дэвис, который только что выглянул проверить, как там остальные, миссис Дэвис, их дети и даже пес Плутто. Смерти нужна была недавно сочетавшаяся браком миссис Эндрюс из дома номер четыре с ее забавными историями и обаятельной улыбкой. Смерти нужен был старый мистер Парсонс из дома двадцать три, тот самый, что убил девочку, а всем сказал, что она убежала; тот самый, что заслуживал смерти больше, чем остальные, после самого Эндамона Кроу.

— Помоги им, — сказал он, не зная, кого имеет в виду.

Древние боги его предков были бы в восторге от таких разрушений. Христос? Бог сострадания, конечно, не мог бы смотреть на это просто так, ничего не предпринимая. «Тем, кто считает богов воплощением любви, приходится умышленно игнорировать многочисленные факты», — подумал Кроу.

Он видел, как в жаре этой ночи испаряются последние капли виски в его стакане, и, поддавшись импульсу, столкнул его с края крыши. Стекло полетело вниз, отражая на лету отблески пожара, словно маленький Люцифер, сброшенный с небес на грешную землю.

Когда Кроу смотрел, как стакан летит вниз и разбивается вдребезги, у него вдруг закружилась голова. Несмотря на жар от огня, ему стало холодно; от затылка вниз по спине побежали мурашки. Превращения всегда давались Кроу нелегко. Мало что сохранив в памяти из того, что происходило потом, он, по крайней мере, помнил, как все начиналось, помнил этот беспокойный подростковый ментальный зуд, когда он не понимал, что с собой делать. Не хотелось ни стоять, ни сидеть, ни остаться в доме, ни уйти; Кроу испытывал голод,

который, однако, не могли утолить обычные продукты из кладовой.

Насколько он помнил по своему прошлому опыту, тогда все начиналось медленно — сначала слегка менялось восприятие, острее чувствовались оттенки запахов, становилось труднее сосредоточиться. Но была у этих ощущений определенная отправная точка.

Была полночь; Кроу находился в своем кабинете. Безмятежный свет настольной лампы на складном кронштейне, янтарный блеск бренди в графине, вручную скрученную египетскую сигарета из магазина Льюиса с Сент-Джеймс-стрит и том Фомы Аквинского, «Дискуссионные вопросы о зле», — вот и вся его компания.

И вдруг Кроу почувствовал *это* — словно порезался чем-то острым где-то внутри себя. Его как будто разделило пополам: знакомая мучительная боль, как от удара мечом. Кроу не раз бывал ранен, но прежде он всегда видел своего противника. А сейчас его как бы атаковали, пока он сидел в своем кресле, да так, что он уронил книгу и бренди на пол, а сам согнулся пополам, судорожно хватая воздух ртом. Это была резкая боль прямо в центре груди, и Кроу наверняка решил бы, что это сердечный приступ, если бы верил, что подвержен подобным недугам.

Двадцать минут спустя он поднялся на ноги; дискомфорт исчез. Услышав какой-то шум, беспорядочный стук, доносившийся снизу, Кроу отправился выяснить, в чем дело. В буфетной горел свет, и под абажуром из пластика бился мотылек. Кроу сел на лавочку и задумался: что же следует из того, что он услышал это через три этажа?

Он понял: в нем просыпается волк. Превращение может случиться через год, может через десять лет, но оно надвигается. Это было так же верно, как то, что по щекам мистера Эндрюса, пытавшегося откопать свою жену из-под завалов, текут слезы. Как то, что однажды мистер Эндрюс тоже умрет.

Кроу испытывал это уже много раз — человеческим судьбам нужен собственный волк. Он устремил взгляд в ночь, в кромешную тьму, окружавшую пылающий город. Где-то там кроется причина его трансформации — он это чувствовал.

2

В ПУТЬ

Наступил день, и Кроу почувствовал приближение гостей. С Крумс-Хилл лежавший перед ним Лондон, освещенный солнечными лучами, казался похожим на огромный континент. Даже после двадцати прожитых жизней от необъятных размеров этого города у Кроу перехватывало дыхание.

Из окна кабинета на последнем этаже ему были видны разрушения прошлой ночи — развалины домов, напоминавшие обветшалые театральные декорации. Кое-где еще догорали пожары, и из-за дыма, поднимавшегося в холодный октябрьский воздух, казалось, будто все это подстроено.

Трамваи, пережившие налет, скользили по улицам, будто дома на колесах, которые ищут свободное место, куда бы можно было пристроиться. Освободившихся мест теперь было много, но жизнь тем не менее текла своим чередом, как бы ее ни трепали и ни уничтожали.

Каждый раз после таких атак казалось, что разрушений должно было быть больше. Но трамваи продолжали ездить; по утрам открывались магазины. Нормальное существование оказалось на удивление устойчивым и крепким, хоть и было понятно, что после восстановления все меняется. Бакалейный магазин находился рядом с банком, за которым теперь зияла большая воронка, за ней — мясная лавка, за которой — еще одна воронка. С каждым налетом таких воронок становилось все больше, но сколько их должно было быть, чтобы улица перестала быть улицей и превратилась в одну сплошную яму? Сколько раз моль должна откусить от шерстяного пальто, чтобы оно перестало быть пальто?

В каком-то смысле разрушения даже вдохновляли Кроу.

Бомбы наводили в городе собственный порядок, прокладывая собственные улицы и площади в соответствии со своим типом и количеством. Удар зажигательных бомб мог объединить дом номер пятьдесят девять по Этон-авеню с номером шестьдесят восемь по Феллоус-роуд, или номер тридцать

восемь по Уодхэм Гарденс с номером три по Элсворти-роуд, выжигая проход через город; это казалось Кроу чуть ли не любезностью. «Вы хотели, чтобы дорога прошла здесь. А вы не задумывались, как бы оно было, если бы она пошла на север?» — как бы спрашивали фосфорные бомбы, отмечая свой путь следом из обугленных остовов, тянувшимся через сплошную застройку, словно гребень на спине дракона.

А еще есть бомбы-бабочки, которые иссекают осколками лютого, кого взрыв застигнет на открытом месте, но при этом почти не вредят зданиям — страдают только оконные стекла да штукатурка на стенах. После них магазины и дома выглядят, как люди, переболевшие ветрянкой. Фугасы действуют менее утонченно: плавно спустившись на парашюте, они разом сносят девять-десять зданий, оставляя после себя огромный убийственный проем — воплощение преисподней. После каждого налета в утреннем свете город просыпается с новыми очертаниями — здесь упала башня, там снесен газгольдер, на месте бывших стен появились прорехи. А потери, человеческие потери... Сколько бесценных вещей сгорело или разбилось вдребезги, сколько любви, сколько желаний уничтожено, сколько мелодий души умолкло навсегда!

Это утро подтвердило худшие опасения Кроу. Сомнений уже не оставалось: внутри него проснулся волк. Глазами волка мир видится ярче, краски становятся более насыщенными, будто в цветном кинофильме, но снятом не на высококачественную пленку «Техниколор». Это скорее напоминало первые цветные фильмы на пленке «Кинемаколор»: красный и зеленый цвета как бы плясали вокруг предметов, создавая своеобразную ауру, как будто Создатель, словно небрежный ребенок, назначил для каждой вещи свою яркую окраску, но не позаботился о том, чтобы она сохранялась в отведенных для нее границах.

А еще появилась целая палитра поднимавшихся с городских улиц запахов, как притягательных, так и весьма скверных — ароматы, пахучие испарения, откровенная вонь. Более широкие возможности восприятия вызывали у Кроу своеобразное облегчение: так бывает, когда наконец-то вспоминаешь имя, которое перед этим долго вертелось у тебя на языке. Как будто

к нему вернулось утерянное знание, как будто теперь он стал в большей степени самим собой, чем был до этого. Кроу чувствовал, что с запада приближается дождь, хотя в данный момент небо было ясным. Еще в воздухе ощущался запах бездымного пороха, плесени, строительной пыли и сотня оттенков гари — пахло горелыми занавесками, человеческой кожей и волосами, подгоревшей корочкой на тостах за завтраком в уцелевших домах. Был там и взрыв смрада сточной канавы, который любой человек нашел бы омерзительным, но вервольфу он казался по своему привлекательным и интригующим. Кроу оживал среди городской грязи и физиологических выделений: следы его собственного пота на стакане, стоящем на письменном столе; шлейф нафталина и дешевого табака, тянувшийся за дворецким; голубиный помет на балконе; уксус, раствором которого мыли окна; грибок на оконных рамах; дорожная пыль и сажа. Весь мир казался Кроу восхитительно выпачканным с головы до ног.

Он не мог позволить себе наслаждаться новыми ощущениями слишком долго и потому закурил сигарету, отгоняя от своих восприимчивых ноздрей всю эту биологию, переполнявшую улицы.

Запахи — это то, что лучше всего откладывается в памяти. Даже убогое обоняние человека является порталом в прошлое — к забытым поцелуям, к обидам, которые, казалось, давно угасли. Запах мокрой бумаги может напомнить о том, как ты в детстве подрабатывал разносчиком газет, а аромат леденца — вернуть тебя на годы назад в магазин, куда ты ходил за руку с мамой.

Атака городских запахов захлестнула вервольфа волной воспоминаний, расстроивших и встревоживших его. Да, бездымный порох напомнил ему о Мировой войне, и да, строительная пыль перенесла его к стенам Константинополя, на которые они карабкались под канонаду пушек, но были и другие связи, беспокоившие его сильнее. Почему запах гари напомнил ему детство и белокурую девочку на склоне холма? Почему это заставило его задуматься о ней и о любви?

Когда Кроу превращался в оборотня, перестраивалась не только его физическая сущность. Коробилось его сознание,

словно согнутый в руках кусок металла, который никогда уже больше не удастся полностью выровнять. Да, запахи представляли собой пути, которые вели в прошлое, но некоторые из этих путей были для Эндамона Кроу уже непроходимыми, безнадежно разбитыми, усеянными ямами и выбоинами — он их перерос. Он смотрел на них, но не видел, где они кончаются. Кроу знал: какие-то части его человеческой природы навсегда были вырваны из него тем, что оживало у него внутри. Разве можно упомнить все за столько лет? Память не могла хранить воспоминания о воспоминаниях воспоминаний — прошлое являлось к нему будто в детской игре «испорченный телефон»: последнее дошедшее до него послание могло соответствовать тому, что было в действительности, а могло и не соответствовать.

Но лучше всего на свете волк чует запах страха. Кроу казалось, что Лондон до сих пор погружен в едкий туман ужаса, оставшийся после вчерашней ночи. Испарения, поднимавшиеся от трупов, от их развороченных внутренностей, блевотины и мочи, так и не выветрились с наступлением утра, принесшего облегчение. Гормоны кортизол и адреналин, вырабатывавшиеся железами местных жителей под бомбовыми ударами, пахли сладко и аппетитно. Кроу затянулся сигаретой. «Табачный дым, — подумал он, — является уникальным в мире запахов, потому что отсылает сознание к будущему — следующей сигарете, — а не к прошлому, на опасную территорию, полную силков и капканов».

Внизу звякнул дверной колокольчик. К Кроу по срочному и конфиденциальному делу пришли детектив-констебль Бриггс и детектив-инспектор Балби. За день до этого Эндамон получил от них телеграмму. Потому что телеграмма была единственным способом с ним связаться. Как только появились телефоны, он тут же установил аппарат у себя дома. Однако оказалось, что это представляет огромную угрозу для его спокойствия, поскольку телефон принимался звонить в самые неожиданные и неподходящие моменты. А однажды во время ужина аппарат сломался, и это стало последней каплей. Кроу был приверженцем современной эпохи и прогресса, но для джентльмена и здесь существуют определенные границы.

Поэтому Эндамон срочно отослал телефон обратно, пока тот не внес в его жизнь еще больший хаос.

Гостей провели к нему. Один из них, лет около пятидесяти, был невысок, крепко сбит, с толстой шеей и бритой головой. Он производил впечатление человека, которого ничем не прошибешь: такого можно стукнуть лопатой по голове во время завтрака, а он при этом спокойно продолжит есть. Это был инспектор Балби. Второй был высокий, худощавый и больше походил на ученого, чем на полицейского. Это был констебль Бриггс, тридцати пяти лет — настоящий головорез: Кроу уловил исходящий от него запах крови.

Дворецкий представил их, и мужчины пожали друг другу руки. Кроу никак не мог преодолеть отвращение к этой процедуре — навязчивому обычаю приветствовать других людей, как равных себе. В разумно устроенном мире визитеры должны были бы поклониться ему, не прикасаясь. Одной из привлекательных особенностей его дома на Крум-Хиллс было то, что викторианский водопровод обеспечивал разные ветки подачи воды для слуг и хозяев. Для Кроу необходимость пить воду из одного источника с прислугой была сама по себе чем-то крайне нежелательным. С другой стороны, он понимал, что это пройдет, как и остальные предубеждения, — точнее, они приходят и откатываются, как морской прилив. Кроу и сам бы хотел, чтобы ему нравились неформальные отношения, хотел в конце концов забыть, кем является. Доброжелательное — и даже восторженное — восприятие будущего было для него залогом сохранения нормальной психики. Кроу напоминал себе, что каждый человек все время перестраивается. И только от него самого зависит, приложит ли он руку к этому процессу.

— Хорошо выглядите, сэр, — заметил Бриггс.

Это не было комплиментом: у любого человека в возрасте Кроу после вчерашней борьбы с пожарами лицо должно было бы как минимум опухнуть.

Эндамон улыбнулся:

— Благодарю вас, констебль.

Даже если бы Кроу и захотел лично сражаться с огнем, ему это было запрещено. Хоть он и не желал работать, ему была

поручена должность старшего куратора лондонских музеев и древних артефактов. Выбор пал на него не из-за его знаний о прошлом, а благодаря его дальновидности. Кроу принимал решения о том, что необходимо вывезти в первую очередь, — а также *куда* вывезти и *как сберечь*, — а что может пока и подождать, даже несмотря на бомбардировки. Его задачей было определять, что представляет собой историческую ценность, а что — всего лишь тлен. Правительство считало его слишком важной персоной, которой нельзя рисковать, и поэтому Кроу предписано было укрываться по вечерам в убежище Уайт-холла — впрочем, он умудрялся этого избегать.

Но он все равно не пошел бы на ночную брандвахту, даже если бы волен был это сделать. Дежурить с пожарным шлангом в руках было для него так же унижительно, как и прятаться, съезжившись, в какой-то щели. Кроу не любил войну, но, когда ему все же приходилось в ней участвовать, предпочитал делать это открыто. В его родовом девизе, присвоенном ему в 1274 году королем Сицилии Карлом Первым, это отражалось четко и ясно: *Jugulum* — Горло. Это же обусловило и его нынешнее имя¹.

Глядя на интерьер кабинета Кроу, сторонний наблюдатель мог бы принять его за дизайнера или художника-авангардиста. Однако к Балби определение «сторонний наблюдатель», вероятно, подходило меньше, чем к кому бы то ни было, кого Кроу встречал за последние пять сотен лет. Внимательный от природы, Балби за тридцать лет прилежной службы в полиции вытравил в себе рассеянность до последней капли. Он носил звание инспектора, но в равной степени этим словом можно было бы охарактеризовать и его личность, поскольку в английском языке слова «инспектор» и «любопытный, пытливым человеком» — синонимы.

За свою служебную карьеру Балби побывал во многих комнатах, но такой еще не видел. Она была очень велика для жилого пространства, и, безусловно, этого достигли, убрав некоторые стены. А еще тут было очень мало вещей. Балби ожидал

¹ Кроу (*Craw*) по-английски означает «зоб». (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

увидеть какие-нибудь странные черепа туземцев, оружие, фотографии из научных экспедиций и прочий хлам, который обожают собирать у себя антропологи. Но в кабинете у Кроу было почти пусто, а немногочисленные вещи, которые там находились, были абсолютно новыми, как будто только что с витрины.

Балби никогда еще не видел в жилой комнате столько хрома и кожи. Письменный стол со стеклянной столешницей показался ему ненадежным, а кресло в форме куба — удивительно неудобным. Книжные шкафы, казалось, были слабо приспособлены для того, чтобы действительно хранить там книги, — это были всего лишь узкие дощечки из светлой древесины. В общем, не было здесь не только изюминки или удобства, но даже приличного ковра на полированном паркетном полу, — его заменяла банальная, нагоняющая уныние ковровая дорожка.

Балби вспомнил свою жену Лили, которая умерла во время эпидемии гриппа в 1919-м. Если бы это был их дом, она бы наверняка сказала: «А ну-ка, Джек, нужно это как-то приукрасить!» И он бы обязательно что-нибудь придумал, потому что любил доставлять ей удовольствие.

Поскольку от острого инспекторского глаза ничто не могло укрыться, Балби также отметил для себя, что в комнате был только один предмет, указывавший на присутствие здесь живого человека, — черно-белая фотография самого Кроу в гладкой серебряной рамке, стоявшая на рабочем столе. Кроме этого ничего — никаких изображений жены, возлюбленной, дорогого племянника или хотя бы домашнего питомца.

Из украшений, помимо этого фото, которое Балби счел в высшей степени эгоцентричным, в комнате были лишь три картины. Та, что висела над матовым стальным камином, представляла собой набор мазков и линий — инспектор подумал, что такое мог бы нарисовать ребенок. Вторая картина, как ни странно, была репродукцией рекламного плаката паровоза «Коронейшн Скот», курсировавшего между Лондоном и Глазго и побившего все мыслимые рекорды. Зачем хранить такую рекламу у себя дома, было вне понимания Балби: мало ли такого добра на улицах?

Третья картина, висевшая на стене с высоким окном, резко отличалась от первых двух. Полотно явно было старинным

и выделялось в современном интерьере. Это был триптих — три соединенные между собой доски. Рисунок был выполнен какими-то рыхлыми рассыпчатыми красками на фоне из византийского золота. Балби, слабо разбиравшийся в живописи, с удивлением рассматривал причудливые, сплюснутые, но не плоские лица и нимбы над ними, искусно выписанные яркими красными и золотыми красками. «Вещь, должно быть, заграничная и очень древняя», — решил он про себя. На центральном фрагменте была изображена молодая женщина с белокурыми косами; она держала на руках младенца, причем под очень странным, неестественным углом; по обе стороны от нее на уровне плеч расположились небольшие мужские фигуры. На двух других досках, крыльях триптиха, изображения мужчин были увеличены. Балби подумал, что выражение лица у женщины было необычным, оценивающим, почти холодным, но при этом в нем угадывалось томление и беспокойство, как будто она готова была в любой момент вскочить и убежать.

— Таддео Гадди, «Мадонна с младенцем на престоле со святыми и ангелами», — пояснил Кроу.

Это она, Адисла, смотрела на него со стены. Он отыскал ее благодаря видениям одного арабского отшельника из пустыни Руб-Эль-Хали, «Пустой четверти». Поговаривали, что этот человек был потомком мистического, проклятого Богом племени адитов из давно заброшенного города Ирама Многоколонного. Сорок лет медитации в песках, где отшельник питался скорпионами, крысами и горькими цветами пустыни, высасывал воду из камня на дне русла пересыхающих ручьев, настроили сознание этого затворника на вибрации его предков. Он узнал в Кроу такого же, как он сам, — проклятого. А это означало, что между ними была возможна ментальная связь. Человек прикоснулся к нему и сказал: «Спать». Наутро Кроу проснулся, четко зная, куда идти, чтобы найти свою любовь.

Он пустился в путь через барханы, по верблюжьей тропе, проложенной караванами купцов, возившими благовония тысячу лет тому назад, когда дюны из холмов превратились в горы. Кроу пересек Персию и Турцию, в Анталии сел в галеру торговцев венецианским стеклом, выкупив себе место гребца,

чтобы добраться до Италии. Преодолея Апеннины, по волчьим тропам прошел через густые леса, пока не оказался в самой Флоренции. Там он отыскал церковь Святого Стефана, видение которой передал ему отшельник. И здесь действительно нашел ее; она взирала на него с алтаря, несмотря на то что умерла сто пятьдесят лет тому назад. Кроу забрал картину с собой, хоть у него и возникли определенные сложности со священниками. В результате пролилась кровь.

— Удивительная женщина, вы не находите? — спросил Кроу.

Он помнил о ней совсем мало — только какие-то обрывки разговоров, да еще острую боль утерянной любви. Сколько перевоплощений она прошла? Сколько раз он терпел неудачу, пытаясь отыскать ее за многие прожитые им человеческие жизни?

Балби фыркнул. Для человека его профессии все святые и мадонны были лишь идолами, простыми и бесхитростными.

Если не считать эту картину, слишком пустое и аккуратное организованное жилое пространство Кроу казалось полицейскому иллюстрацией к какой-нибудь дурацкой газетной статье — «Так будут жить люди в 2000 году» — и выглядело так, будто было обставлено за десять минут до их прихода.

При обычных обстоятельствах это заставило бы Балби заподозрить Кроу в том, что он позер или рафинированный денди, или даже гомосексуалист. Однако профессор производил впечатление человека серьезного. Ниже среднего роста, мрачный, бледный, в строгом костюме, он был похож скорее на архитектора, чем на ученого. Когда они пожимали друг другу руки, Балби заметил на пальце у Кроу кольцо с печаткой. И мотив этой печатки — голова волка — показался ему... как бы это сказать... немного подозрительным.

— Очень интересная комната, сэр, — сказал Бриггс таким тоном, как будто под словом «интересная» имелось в виду нечто не вполне законное.

Полисмен неуверенно присел на диван. Он оказался слишком мягким, и констебль не смог удобно на нем устроиться.

— Да, офицер, — ответил Кроу. — Это так называемый баухаус — слышали что-нибудь об этом стиле?

— Похоже на немецкое слово, — ответил Бриггс.

— Вы очень проницательны — это слово действительно немецкое. Так называлась Школа строительства и художественного конструирования в Дессау.

Полицейские переглянулись.

— Если вас это заинтересовало, я мог бы помочь вам связаться с их представителем.

— Я не хотел бы иметь у себя в доме нацистскую мебель, сэр, — резко сказал Бриггс.

Он тоже обратил внимание на странное кольцо.

— Тогда это было бы для вас идеальным вариантом. Потому что нацисты закрыли эту школу. Объявили, что там проповедуют вырождение искусства.

— По-моему, вы сказали, что это немецкая школа, — заметил Бриггс.

— Но не все немцы нацисты, — возразил Кроу.

— Как и не все англичане *не* нацисты, — парировал Бриггс, который к любому разговору относился, как к завуалированному противостоянию.

Кроу улыбнулся:

— Может быть, перейдем к делу, джентльмены? Присаживайтесь, пожалуйста, инспектор Балби. Сейчас все-таки 1940 год и хорошие манеры мало что значат.

Он бросил выразительный взгляд на уже давно усевшегося Бриггса.

Кроу испытывал раздражение из-за намека на то, что он — нацист. Ставить его на один уровень с этими типами столь низкого происхождения?! Этот выскочка Гитлер был капралом — грязным, потным капралом, который в свое время рыл окопы. Как могли гордые принцы с Рейна, ведущие свой род от Карла Великого, позволить, чтобы ими правило это животное? Британцев, по крайней мере, вел за собой человек благородных кровей.

— Профессор Кроу, — осторожно начал Балби, — у нас есть основания полагать...

(«Господи, — подумал Кроу, — неужели он и вправду так сказал: “У нас есть основания полагать...”?»)

— ...что вы можете нам помочь. Вы ведь анфро... точнее, антара...

Балби был умным, но не слишком образованным человеком. Его мозг был ориентирован на практические вещи. Длинные, сложные слова он оставлял коронерам и судьям. Но Кроу даже не попытался помочь ему в его затруднении.

— Антрополог, — напрягшись, наконец закончил Балби. Кроу прикрыл веки в знак согласия.

— Специалист по... — Балби сделал еще одну паузу, прежде чем продолжить, но не потому, что эти слова были ему незнакомы, — просто он не одобрял идею, которую они понимали.

— По верованиям, — договорил за него Кроу. — Я занимаюсь этим, когда у меня появляется свободное время.

— По языческим верованиям, — уточнил Балби.

— По разным верованиям.

— Надеюсь, речь не идет о христианстве, сэр.

Была всего одна тема, которая могла бы поколебать Балби, предпочитавшего высокопрофессиональную манеру поведения, а именно житие Христа.

— И о нем тоже, — ответил Кроу.

Балби, бывший боксер, покачал бритой головой из стороны в сторону, словно разминая шею перед боем.

— Христианство, сэр, — это не система верований. Это слово Божье.

Кроу не имел ни малейшего желания вступать в дебаты с верующим, поскольку опыт, накопленный за столетия, подсказывал ему: дискутировать с верующими в высшей степени бесполезно. Верующие — они на то и верующие, чтобы просто верить и не задавать вопросов. Если хотите поспорить, правильно выбирайте оппонентов, людей совершенно другого склада ума. Поэтому Кроу решил, что самое время сменить тему.

— Возможно, инспектор, вы с констеблем хотите чего-нибудь выпить после дальней дороги? Позвать дворецкого? Правда, боюсь, у нас остался только яичный ликер, «Адвокат». Последняя бутылка виски закончилась прошлой ночью, и пройдет еще пара дней, прежде чем удастся восполнить запасы.

— Моя церковь не разрешает употребление алкоголя, сэр, — ответил Балби.

— В Библии я не встречал никаких запретов на этот счет, — удивился Кроу.

— Не знаю, какую Библию вы читали, — коротко хохотнул Бриггс.

Сам он вообще не читал ее, хоть и пытался убедить своего босса в обратном — впрочем, безуспешно.

— Ну, лично я предпочитаю вульгату¹, на французском. Удивительный язык, он просто поет, вы не находите? Гораздо благозвучнее, чем *vetus Latina*².

Кроу сразу же пожалел о своей непочтительности. Когда живешь на земле так долго, учишься множеству вариантов поведения. Ты можешь примерять их на себя, как одежду, и отвергать, будто устаревшую модель, вышедшую из моды. И это делается не для борьбы со скукой, а чтобы сохранить рассудок. Если все время пытаться быть самим собой, в конце концов останешься в прошлом, превратишься в реликт.

Отчужденная индифферентность высших слоев английского общества в двадцатых-тридцатых годах двадцатого века, их отказ воспринимать окружающее серьезно, легкомыслие местной *jeunesse dorée*³ импонировали Кроу, но иногда он чересчур увлекался. Он не хотел унижать людей — для него они и так были ничтожны. От смертных исходила какая-то странная печаль, даже когда они были в расцвете молодости. Кроу сравнивал их со срезанными цветами — прекрасными, но обреченными на смерть. И у него не было желания добавлять им напастей, тем самым отравляя короткие мгновения их жизни.

— Алкоголь — напиток дьявола, сэр, — сурово заявил Балби.

Кроу улыбнулся:

— В случае с «Адвокатом» мы с вами на одной стороне, инспектор. Это не напиток, а оскорбление по-настоящему хорошего бренди. Вам нужно преследовать его изготовителя в судебном порядке.

¹ Вульгата — латинский перевод Священного Писания, основанный на трудах Иеронима Стридонского.

² Старолатинский язык (*лат.*).

³ Золотая молодежь (*фр.*).

— Я не преследую в судебном порядке, сэр. Я просто арестовываю.

Кроу едва сдержался, чтобы не заметить инспектору, что впечатлен его скрупулезным восприятием сказанного. Балби продемонстрировал точность формулировок, достойную восхищения. Общение с человеком, для которого слова на самом деле что-то значат, было для Кроу точно глоток свежего воздуха.

Балби, профессиональный знаток людей, внимательно изучал этого необычного ученого. Инспектор уже мог сказать, что внешняя легкость была лишь фасадом, что за этой учтивостью, лоском, обаянием скрывалось что-то иное. Хотя что именно, пока было непонятно. Однако при этом обаяние Кроу нравилось Балби, но не как достоинство, а как проявление слабости. Его просили объяснить, почему празднество глубокой ночью кажется очаровательным. И почему обаятельны убийцы, мошенники... Ну, по крайней мере некоторые из них. Тем, у кого чиста совесть, незачем быть обаятельными — это нужно только тем, кто все время настороже. «Вот короли, например, — подумал Балби, — совсем не обаятельны — в отличие от придворных».

В его собственном арсенале обаяние отсутствовало. На самом деле Балби приходилось следить за тем, чтобы не удариться в другую крайность — грубоватую серьезность, которую он никак не мог в себе победить, хоть она ему и не нравилась.

Инспектор не сожалел, что помянул Господа, но досадовал на то, что ему пришлось это сделать. Было бы намного приятнее думать, что имеешь дело с набожным, благочестивым человеком. Не то чтобы Балби часто приходилось иметь дело с набожными людьми; напротив, хлеб с маслом ему обеспечивали нечестивцы. Просто от человека образованного инспектор ожидал иного, чем от преступника. И если Кроу непредумышленно был в разговоре слишком беспечен, сам Балби был — тоже непредумышленно — слишком серьезен и хотел побыстрее вернуться к делу. Ему незачем было провоцировать враждебную реакцию профессора — тот был ему нужен.

— Нам необходима ваша помощь, сэр, — сказал Балби.

— Да? — удивился Кроу. — И в какой области я мог бы вас просветить, джентльмены?

Бриггс ошетинился, решив, что больно уж этот тип напускает на себя важность. И ошибся. Этот апломб шел не изнутри — он был привнесен извне. Если бы сам Кроу попытался понять происхождение этого высокомерия, он связал бы его с трансформацией, произошедшей с ним еще во времена рыцарства и исказившей его сознание. Профессор жалел, что так вышло, но что сделано, то сделано.

— Взгляните вот на это, — сказал Бриггс.

Он извлек из портфеля большую плоскую коробку для фотографий. Неторопливо открыв ее, констебль передал Кроу первый снимок, внимательно следя за глазами профессора, когда тот принялся рассматривать фото. Бриггс рассчитывал, что Кроу вздрогнет, что весь его лоск мигом слетит с него при виде первого же трупа. Анна из военной лавки едва не лишилась чувств, когда констебль позволил ей лишь мельком взглянуть на этот ужас. Так неужели он хочет слишком многого, желая хорошенько напугать этого надутого бездельника из высшего общества? Бриггс так не думал.

Кроу уже неоднократно замечал, что одним из заблуждений, которые низшие классы питают относительно высших, является то, что низы считают сливки общества изнеженными, деликатными созданиями, напрочь оторванными от прозы жизни. Именно в этом Бриггс и ему подобные заблуждались в том, что касалось буржуазии. Кроу с детства привык к охоте и батальным сценам, он был так воспитан. Он видел кое-что намного страшнее того, что было изображено на фотографии, причем тогда ему не исполнилось еще и шести лет.

— На теле имеются странные отметины, — заметил Кроу, поднося снимок к глазам.

Балби извлек из кармана большое увеличительное стекло и протянул его профессору.

— О, как замечательно, что вы носите его с собой!

— Только в случае необходимости, сэр. Это не входит в мою стандартную экипировку.

— Жаль, — рассеянно бросил Кроу.

Из-за собственного энтузиазма он вдруг почувствовал себя довольно глупо. Полиции требовалась его помощь, а он думал

только о том, чтобы выглядеть в их глазах не хуже Бэзила Рэтбуона в роли Шерлока Холмса. Кроу не читал книг о великом сыщике, пока не увидел фильм и не осознал, как много потерял.

— Этого молодого человека где-то держали, прежде чем убить? — сказал Кроу, рассматривая фотографию взглядом виноторговца, оценивающего цвет вина.

— Откуда вам это известно? — мгновенно отреагировал Бриггс, как будто профессор только что разоблачил себя как вражеского шпиона.

Констеблю совсем не нравилось спокойствие этого типа. Сам Бриггс смог смотреть на такие снимки без содрогания лишь после того, как проработал несколько лет в Управлении уголовных расследований Скотланд-Ярда. Он гордился своей профессиональной толстокожестью. Полицейский подумал, что Кроу не имеет права на такое спокойное выражение лица при виде подобных страстей. И еще это обращение — «молодой человек». Кроу на вид было тридцать с небольшим, но при этом он вел себя так, будто перед ним сидят мальчишки, а он — человек совсем другой категории, мудрая голова, согласившаяся просветить неотесанных увальней из полицейского участка.

— Мне это неизвестно, я просто задал вопрос. У него синяки на запястьях, что может указывать на то, что на них были наручники. Я, конечно, не эксперт в вопросах молодежной моды, но буду удивлен, если к ней относятся подобные отметины на теле. Вероятно, это сделал с ним кто-то другой? Как думаете, сколько времени понадобилось, чтобы так изувечить плоть?

— Мы считаем, что по меньшей мере четыре месяца, — ответил Балби. — Вы когда-нибудь видели что-либо подобное?

Кроу повидал на своем веку почти все, так что да, он уже видел нечто подобное. И все же точно такое ему прежде не встречалось.

На фотографии было запечатлено обнаженное тело юноши, лежащее в свежевырытой могиле.

Вся его кожа была испещрена отметинами, которые можно было бы принять за прыщи, если бы не их симметричность. Если взглянуть с одной стороны, они образовывали спирали, с другой — выстраивались в правильные линии. Кроу уже

видел подобную технику раньше, в Африке. Кожа разрезалась и туда втиралось какое-то твердое вещество, до тех пор пока не образовывалось постоянное уплотнение. Это была своего рода татуировка, только процесс был более болезненным, продолжительным и замысловатым. Хотя такие обширные рисунки Кроу все же не попадались. Отметины — некоторые с еще свежим струпом на ранках, другие уже вполне сформировавшиеся — покрывали каждый дюйм тела парня, за исключением, насколько было видно, только одного участка.

— А кто удалил ему лицо, как вы думаете? — спросил Кроу.

— Что ж, сэр, именно это мы и пытаемся выяснить, — ответил Балби.

— Понятно, — сдержанно улыбнулся Кроу. — Я не могу сказать ничего конкретного, не прибегая к домыслам, которые могут как прояснить ситуацию, так и запутать ее. Боюсь, вы попусту теряете время. Вы остановились в гостинице или же сразу уедете обратно?

— Это только полдела, дорогуша, — вставил Бриггс.

Кроу удивленно поднял брови. Дерзкие слова скорее заинтриговали, чем обидели его. Неужели это современная эпоха таким образом пробивает себе путь в его жилище? Неужели люди действительно разговаривают между собой в наши дни так грубо, с полным отсутствием уважения? В такие моменты начинаешь тосковать по веку рапиры и шпаги. Конечно, были свои недостатки в том, что у каждого джентльмена имелось при себе оружие, но действие данного обстоятельства на манеры окружающих являлось, безусловно, большим преимуществом. Социальный статус Бриггса, разумеется, был слишком низким, чтобы вызывать его на дуэль. Но сегодня даже поколотить этого человека считалось противозаконным. «Мир стал очень мягким, — с сожалением подумал Кроу. — Да, слишком мягким».

Балби примирительно поднял руку; манеры констебля вызвали у него досаду, но он не хотел отчитывать своего подчиненного при Кроу.

— Были и другие, похожие на это, — вмешался инспектор. — То есть другие убийства. Мы бы хотели, чтобы вы поехали

СОДЕРЖАНИЕ

1. Волк и луна	11	28. Последний глоток воздуха	307
2. В путь	17	29. Волчий камень	312
3. Чародей по воле случая	37	30. Жертва Эзекиля Харбарда	323
4. Выжившие	47	31. Находки	336
5. В Вевельсбурге	61	32. Отъезд	342
6. Берег мертвецов	92	33. Помощь для доктора Фоллера	350
7. Сон фрау Фоллер	102	34. Инстинкт	365
8. Мистер Дэвид Ариндон	109	35. Фрау Фоллер обосновывается в своей комнате	372
9. Административная ошибка	118	36. Новое предложение	385
10. Сюрприз от мистера Кроу	123	37. Останки	389
11. Рептилия	132	38. Новые приоритеты доктора Фоллера	397
12. Беглец	144	39. Библиотека Эзекиля Харбарда	413
13. Фрау Фоллер отправляется к медиуму	149	40. Свидетель	419
14. Предсказание судьбы по листьям чая	162	41. Серый корабль	430
15. Встреча с дамой	169	42. О пользе старинных карт	434
16. Старший егермейстер	178	43. Дары	438
17. Выздоровление фрау Фоллер	190	44. Падение оков	443
18. Вопрос веса	195	45. Земля осталась позади	449
19. Вторжение	223	46. Церемония	457
20. Лунная соната	230	47. Боги и чудовища	472
21. На пределе	247	48. Волк	482
22. Побег на Землю	252	49. Последний эксперимент доктора Фоллера	487
23. Маленькая смерть	255	50. Башня-призрак	496
24. Художник в своей обители	268	51. Полнолуние	504
25. Колодец	275		
26. Неожиданное открытие	286		
27. Фрау Фоллер соглашается побеседовать	297		

Літературно-художнє видання

ЛАХЛАН М. Д.
Перевертень. Нове життя
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Пунько*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 30.09.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 26,88. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ЛАХЛАН М. Д.
Оборотень. Новая жизнь
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 30.09.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Minion Pro». Усл. печ. л. 26,88. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24, E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

1940 рік. Європа в полум'ї війни. Невдовзі Англія зазнає жорстокої німецької атаки. Перевертню Ендамону Кроу 1000 років, він вічно молодий, і йому наплювати на те, що коїться в світі людей. Це не його війна.

Прибічники Третього рейху шукають у міфах і легендах шлях до влади і безсмертя. І сила вовка-перевертня може стати ключем до розгадки давньої таємниці. Кроу — зброя, яку необхідно отримати, хай там що.

Перевертень, що століттями ховав свою справжню сутність, вступає до гри. Кидаючись між звіром і людиною. Слідуючи поклику крові та давній силі. Тоді, коли над світом людей згуститься темрява Рагнарока, він почне своє останнє полювання.

Лахлан М. Д.

Л29 **Оборотень.** Новая жизнь : роман / М. Д. Лахлан ; пер. с англ. В. То-
лока. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. —
512 с.

ISBN 978-617-12-6882-1

ISBN 978-0-575-12968-9 (англ.)

1940 год. Европа в пламени войны. Вскоре Англия подвергнется ожесточенной немецкой атаке. Оборотню Эндамону Кроу 1000 лет, он вечно молод, и ему плевать на то, что творится в мире людей. Это не его война.

Сторонники Третьего рейха ищут в мифах и легендах путь к власти и бессмертию. И сила волка-оборотня может стать ключом к разгадке древней тайны. Кроу — оружие, которое необходимо заполучить, во что бы то ни стало.

Оборотень, веками прятывший свою истинную сущность, вступает в игру. Мечась между зверем и человеком. Следуя зову крови и древней силе. Тогда, когда над миром людей стуситя тьма Рагнарока, он начнет свою последнюю охоту.

УДК 821.111